

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Научная статья / Original article

УДК 101.3:130.2

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-2-10>

Новаторские исследования Питирима Сорокина о мирном жизнеустройстве и возрождении человечества¹

Эмилиана Мангоне

Университет Салерно, Факультет политических и коммуникационных наук,
Фишиано, Италия, emangone@unisa.it,
http://orcid.org/ORCID_0000-0002-9958-4346

***Аннотация.** Сорокин был одним из первых теоретиков, кто попытался обосновать основы мирного жизнеустройства и мирного сосуществования разных стран. Размышлять об этом он начал еще в России, пытаясь найти объяснение причинам русской революции и гражданской войны. Эти размышления продолжились в его анализе кризиса как такового (социального*

¹ Перевод с английского языка выполнил Н. Ф. Зюзев, доктор философских наук, профессор кафедры философии и социально-политических наук Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина.

© Мангоне Э., 2022

© Зюзев Н. Ф., перевод, 2022

или природного), где он особое внимание уделял последствиям этих явлений и способам ослабления их разрушительного эффекта. После публикации «Социальной и культурной динамики» Сорокин обращается к проблеме «восстановления человечества», то есть к диагностике глобальных кризисов и поиску гуманизации общественной жизни. Завершающей стадией в его исследованиях в этом направлении стала деятельность Гарвардского центра по изучению творческого альтруизма, который он возглавлял на протяжении нескольких лет. На основе сделанного им вклада в изучение проблематики мирного жизнеустройства Сорокина можно назвать одним из основателей этого направления в социологии.

Ключевые слова: Сорокин, социология, революция, война, мирное существование, альтруизм

Для цитирования: Мангоне Э. Новаторские исследования Питирима Сорокина о мирном жизнеустройстве и возрождении человечества // Человек. Культура. Образование. 2022. № 2. С. 10–31. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-2-10>.

Pitirim Sorokin's Ground-breaking Research in Peaceful Life Order and Revival of Humanity

Emiliana Mangone

University of Salerno, Department of Political and Communication Sciences,
Fisciano, Italy, emangone@unisa.it, <http://orcid.org/ORCID0000-0002-9958-4346>

Abstract. *Sorokin was among the first theorists to lay out the foundations of peaceful life and peaceful coexistence between countries. While still in Russia, he began to think about this, trying to figure out what was behind the Russian Revolution and Civil War. His reflections continued with his analysis of the crisis as such (social or natural), which emphasized the consequences of these phenomena and the ways to mitigate their destructive effects. In the wake of the publication of Social and Cultural Dynamics, Sorokin turned to the problem of "recovery of humanity," that is, identifying global crises and seeking humanization of social life. Harvard's Center for the Study of Creative Altruism, which he directed for several years, was the culmination of his research in this direction. Thus, he can be considered as one of the founders of this new sociological trend based on his contribution to the study of peaceful living.*

Keywords: *Sorokin, sociology, revolution, war, peaceful coexistence, altruism*

For citation: Mangone E. Pitirim Sorokin's Ground-breaking Research in Peaceful Life Order and Revival of Humanity. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education.* 2022; 2:10–31 (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-2-10>

Найдутся ученые, которые, увидев название этой статьи, могут решить, что оно абсурдно, особенно если у них нет достаточного представления о работах и деятельности Сорокина. Свое утверждение они выведут из того, что Сорокин известен как социолог революции и войны (1925, 2010/1942), но упустив из виду, что он также является социологом альтруистической творческой любви (Sorokin, 1954). Из этого можно сделать вывод, что подобное поспешное утверждение будет неверным. На самом деле, наряду с Льюисом Ричардсоном (1950, 1960) и Куинси Райтом (1957), Сорокин считается одним из инициаторов того, что позже будет известно как исследование проблем мирного жизнеустройства (Dungen, 1996). Чтобы понять, почему Сорокина можно считать пионером в этой области исследований (Eckhardt, 1983), необходимо вернуться к его последним годам жизни в России.

Дата, которая, с моей точки зрения, особенно значима для развития идеи Сорокина о мире и человечности, — это 21 февраля 1922 года, 103-я годовщина Санкт-Петербургского университета и трагический момент для традиционно свободомыслящей русской интеллигенции. В этот день он произнес речь (Sorokin, 1922), в которой еще раз¹ подчеркнул два характерных для российского общества того времени аспекта, завершив ее призывами к студентам. Первый аспект — это драматическая ситуация для России, где свирепствовал голод, а великая Русская равнина стала кладбищем под открытым небом и полем битвы, где две стороны воевали друг с другом за выживание; второй аспект — роль интеллигенции, которая, по мнению Сорокина, пришла к полному провалу со своими представлениями о мире, что и привело к революционной катастрофе, случившейся в стране.

Сорокин предлагает вернуться к знаниям и чистой науке, основанной на опыте и логике и сопровождаемой страстью к продуктивной работе, как физической, так и интеллектуальной. К этому Сорокин добавляет призыв, который затем — разными путями — будет характерен для всей его дальнейшей жизни и осо-

¹ То, что Сорокин сказал в этой речи, вкратце уже было сказано в письме 1918 года, в котором он заявил о своем выходе из партии социалистов-революционеров и Учредительного собрания (Sorokin, 1918).

бенно для исследований последних лет, посвященных альтруистической творческой любви. Это призыв отбросить гоббсовское *Homo homini lupus est* (человек человеку волк — ред.) и статью *Homo socius* (человек социальный — ред.). Этот *socius* станет предметом всех его будущих исследований, начиная с идеи о невозможности человеческого существования независимо от других людей, вне общества и вне культуры: «Не существует личности, кроме как *socius*, нет носителя, создателя и потребителя смыслов, ценностей и норм без соответствующей культуры и общества; в их отсутствие может существовать только изолированный биологический организм» (Sorokin, 1962/1947, с. 64). Для Сорокина отдельный человек и народ в целом не являются ни *tabulea rasae*, ни анонимом, поэтому каждый из нас «должен сам стать настоящим *socius*, индивидом, отчужденным как от эгоистичного падальщика, так и от невежественно-слепого стада...» (Sorokin, 1922). *Homo socius* определяется как человек, который одновременно находится в состоянии взаимовлияния и взаимозависимости с социокультурным универсумом. Поэтому не случайно, что такой мастер социологии, как Сорокин, рассматривает *Homo socius* как объект изучения этой дисциплины и как единственную форму человека, которая может способствовать гармоничному развитию общества.

Первый этап, если его можно так назвать, долгого интеллектуального пути, пройденного Сорокиным (Zyuzev, 2019), был заполнен размышлениями об условиях человеческого существования и привел его к дилемме, которую он ставит перед всем человечеством в последней главе книги «Пути и сила любви» (1954): «Таинственными силами судьбы человечество поставлено перед суровой дилеммой: либо продолжать свою хищническую политику индивидуального и племенного эгоизма, которая ведет его к неизбежной гибели, либо приступить к политике всеобщей солидарности, которая приведет человечество к желанному раю на земле. От каждого из нас зависит, какую из двух дорог мы предпочтем выбрать» (Sorokin, 1954, р. 489). Отсюда вытекают два важнейших аспекта размышлений Сорокина в течение его интеллектуального пути: с одной стороны, базовая идея о том, что человечество само является автором своей судьбы в той мере, в какой оно способно переоценивать и развивать свои представления о «творчестве» и

«любви»; с другой стороны, можно отметить то, что Экхардт (1981) называет «переходом от эгоизма к альтруизму» (р. 189), реализованным в теоретизировании Сорокина. В подтверждение можно вспомнить, что Сорокин писал ранее о способах ослабления ненависти и направления энергии в позитивное русло: «Ненависть остается одной из самых сильных эмоций человека и одним из самых эффективных "двигателей" человеческого поведения. У подавляющего большинства людей ее невозможно быстро устранить или даже существенно ослабить. Однако ее можно перенаправить на выполнение иного рода "работ" и "операций". До сих пор она "питала" в основном межличностные и межгрупповые конфликты. Вместо этой функции ее силу можно использовать на дело распространения любви и объединения человечества в одно сплоченное тело. Как? Перенаправив силу ненависти из ее нынешних каналов межличностных и межплеменных конфликтов в новый "канал", служащий священной войне человечества против самых ужасных, самых непримиримых, вечных и общих врагов каждого индивида, каждой группы и всего человечества: против смерти, физических и психических болезней, тягчайшей преступности, глупости, невежества, межчеловеческих распрей, уродства, нищеты, бесплодных страданий, бедствий природы, самой межчеловеческой ненависти и множества других сил, препятствующих творческому росту всех людей, жизненному, умственному и нравственному благополучию каждого индивида» (Sorokin, 1954, pp. 464–465).

Это утверждение более чем полувековой давности является настолько актуальным, что озадаченному читателю может показаться, что оно было сказано прямо сегодня.

Однако я хочу сосредоточиться на динамике, которую идеи Сорокина о мире (и о войне) претерпели за десятилетия его деятельности, и для этого мне придется отказаться от сделанного Экхардтом тематического разделения размышлений Сорокина о мире на теорию власти, теорию стабильности, «золотое правило нравственности», теорию альтруизма и интегральную теорию (1981, р. 189), а предложу взамен категоризацию не столько временного характера (хотя неизбежно и это), сколько касающуюся эволюции его мысли.

1. От революции к диагнозу кризиса.

То, что произошло в годы революции и последующего захвата власти большевиками в 1920-е гг., Сорокин описывает как «привилегированный свидетель», лично переживший эти события, в своих двух первых работах, опубликованных в Америке. В «Листках из русского дневника» он ясно говорит: «Если будущие историки будут искать группу, которая начала русскую революцию, пусть они не обращаются к притянутым за уши теориям. Русскую революцию начали голодные женщины и дети, требовавшие хлеба и селедки. Они начали с крушения трамвайных вагонов и грабежа нескольких небольших магазинов. Только позже, уже вместе с рабочими и политиками, они стали разрушать само могучее здание российского самодержавия» (Sorokin, 1924, p. 3). Во второй из этих работ — «Социологии революции» (Sorokin, 1925), написанной в эмиграции в Чехословакии и позже опубликованной в Америке, — он представил свои наблюдения над русскими революциями в историческом контексте других революций, пытаясь определить причины революции как таковой и те перемены, которые неизбежно следовали за ней. Он вернется к теме революции много лет спустя в своей автобиографии (Sorokin, 1963, p. 105–106) и опишет ее жизненный цикл. Этот цикл идентичен для всех революций и состоит из трех фаз (первые две из которых он пережил еще в России). Первую фазу (обычно кратковременную) можно определить как «освободительную», так как она имеет целью освобождение народа от предыдущего режима путем содействия переменам и новому социальному порядку; вторая фаза определяется как «разрушительная», поскольку в этой фазе действует тенденция к разрушению институтов и консолидированных ценностей, что достигается посредством деструктивных и террористических действий (вспомним период террора после Французской революции или то, что позже будет названо «красным террором»). Если эта фаза не приводит к полному разрушению нации, то революция переходит в третью фазу, которую можно считать «конструктивной», — это время создания нового индивидуального, социального, культурного и политического порядка, и, следовательно, это момент умиротворения.

После публикации четырех томов «Социальной и культурной динамики»¹ (1937а, 1937б, 1937с, 1941а) Сорокин переносит свое внимание с революции на понятие кризиса, пытаясь дать диагноз и возможные методы «лечения» этого состояния, которое рассматривается как социальная патология. Он делает это, в частности, в работах «Кризис нашего века» (1941б), «Человек и общество в бедствии» (2010/1942) и «Реконструкция человечества» (1948) — последняя из них была опубликована, когда он уже оставил должность главы департамента социологии в Гарварде. Эти работы стали для Сорокина поворотным пунктом в его интеллектуальном развитии, шедшем в двух направлениях: с одной стороны, происходила его дальнейшая изоляция в американском академическом мире, начавшаяся с публикации четырех томов «Социальной и культурной динамики»; с другой стороны, происходило смещение фокуса его внимания с причин конфликтов на способы их предотвращения, ведь в упомянутых трех книгах, помимо понятия кризиса, указываются также возможные средства и способы, с помощью которых можно преобразовать общественную деятельность с тем, чтобы направить ее на восстановление человечества, переживающего глубокий кризис, вызванный Второй мировой войной, но не закончившийся вместе с ней (Mangone, 2021). Здесь я сосредоточусь на втором направлении интеллектуального поворота Сорокина, оставив первое на рассмотрение ученым, больше заинтересованным в этом аспекте.

Когда в Европе бушевала Вторая мировая война, Сорокин отмечал, что переживаемый кризис не является рядовым: «Это не просто экономический или политический кризис, он затрагивает одновременно почти всю западную культуру и общество, во всех их основных секторах. Это кризис в искусстве и науке, философии и религии, праве и морали, нравах и манерах; в форме социальной, политической и экономической организации, включая природу семьи и брака — короче говоря, это кризис, затрагивающий почти весь образ жизни, мышления и поведения западного общества» (1941б, pp. 16–17). В этой книге много места уделено подробному

¹ Напомню, что сам автор затем сократил и переработал эти четыре тома, опубликовав их содержание в одном томе (Sorokin, 1957).

описанию кризиса западного общества в различных сферах деятельности индивидов, также выделены, как уже упоминалось, диагнозы, соответствующие различным точкам зрения на природу кризиса. Согласно Сорокину, преобладали два диагноза, по сути противоположные друг другу, которые можно определить как оптимистический и пессимистический. Первый из них (оптимистический диагноз в отношении как причин кризиса, так и способов выхода из него) рассматривал кризис как обычный экономический спад. Поэтому его якобы можно было преодолеть с помощью ряда активных мер, например, через сокращение неравенства (экономического и политического) или устранение так называемых плохих парней (в те времена речь шла о Гитлере или Муссолини, сегодня же недостатка в именах не будет). Это давало надежду на поворот к процветанию для различных групп населения. Второй диагноз (пессимистический, особенно для Соединенных Штатов) рассматривал кризис как агонию и предвестник будущей гибели западного общества и культуры: «Нынешний кризис — это лишь начало конца их исторического существования. Никакое средство не может отвратить эту судьбу; никакое лекарство не может предотвратить гибель западной культуры» (Sorokin, 1941a, p. 16). Не удовлетворяясь ни одним из этих диагнозов, Сорокин предлагает третий. Он не сводится ни к политическим, ни к экономическим факторам, ни тем более к разрушению культуры западного общества, поскольку «общая сумма социальных и культурных явлений западного общества и культуры никогда не была интегрирована в одну единую систему. То, что не было интегрировано, не может, очевидно, распасться» (Sorokin, 1941a, c. 26).

В последней главе «Кризиса нашего века» (1941b), связывая выход из кризиса с изменением культурного менталитета¹, он впервые вспоминает Нагорную проповедь, к которой будет обра-

¹ Под термином «культурный менталитет» Сорокин (1957) подразумевал внутренние аспекты культурной системы, которые касаются опыта, связанного с мышлением людей, и процессов символического посредничества, обеспечивающих присвоение смыслов. Отсюда вытекает развитие теории циклических движений систем, которые он выделил (идеациональной, идеалистической и сенсатной) и которые порождаются трансформациями ментального базиса индивидов и групп.

щаться вновь и вновь в своих последующих работах: «...должно произойти изменение всего менталитета и установок в направлении норм, прописанных в Нагорной проповеди. Когда такое изменение происходит, в значительной степени облегчаются технические способы перестройки экономических и политических структур в этом направлении. Без этого изменения никакая механическая, политико-экономическая реконструкция не может дать желаемых результатов [...] Необходимо изменить формы социальных отношений, заменив нынешние принудительные и договорные отношения более чистыми и благочестивыми семейными отношениями [...] Наше исправление требует полного изменения современного менталитета, фундаментальной трансформации нашей системы ценностей и глубочайшего изменения нашего поведения по отношению к другим людям, культурным ценностям и миру в целом» (Sorokin, 1941b, p. 319). В заключительной части этой книги мы уже можем увидеть того Сорокина, которого мы вновь встретим в «Путиях и силе любви» (1954), то есть ученого, который предсказывает преодоление чувствительной культуры в направлении трансформации отношений между людьми, а также между людьми и институтами через переоткрытие позитивных ценностей человека.

2. От диагностики кризиса к восстановлению человечества.

В этих теоретических рамках Сорокин возвращается, хотя и временно, к теме войны и революции, считая их бедствиями для человечества того же рода, что голод и мор (то, что Сорокин называет «монстрами»). В предлагаемом им анализе социокультурных изменений (от форм мышления до поведения, от социальной жизни до культурных процессов общества), происходящих в результате этих бедствий, наиболее интересным аспектом является выявление общего принципа, характерного для всех форм бедствий без различия причин (природных или антропогенных). Он определяет «типичные последствия» через общий принцип (*закон диверсификации и поляризации последствий бедствия*): «Я бы подчеркнул общий принцип *диверсификации и поляризации этих последствий в различных слоях населения*. Под этим принципом подразумевается, что *эффекты данного бедствия не идентичны — более того, часто противоположны — для различных индивидов и*

групп общества, поскольку индивиды и группы отличаются друг от друга биологически и психосоциально» (Sorokin, 2010/1942, p. 14). Эти эффекты приводят к серьезным изменениям, как индивидуальным, так и социальным, и требуют выхода из кризисной ситуации через поиск нового равновесия (Mangone, 2018a). То, что Сорокин сказал в середине прошлого века, по-прежнему актуально для описания динамики, которая фиксируется сегодня в обществах, испытавших разного рода катастрофы, в том числе и войны (Mangone, 2018b): недавние примеры — пандемия, вызванная распространением вируса SARS-CoV-2, конфликты, разбросанные почти по всей земле, и многочисленные стихийные бедствия, от которых страдает население (наводнения, землетрясения, тайфуны и т. д.). Возникающие системные кризисы не являются чем-то особенным, а представляют собой нормальное течение жизни: «История жизни любого общества — это непрерывные колебания между периодами сравнительного благополучия и бедствий. [...] Рано или поздно катастрофическая фаза сменяется новым периодом благополучия, который, в свою очередь, сменяется новым периодом бедствия. И так чередование продолжается на протяжении всего времени существования данного общества» (Sorokin, 2010/1942, p. 13). Тот факт, что бедствия должны рассматриваться как часть нормального течения повседневной жизни человечества, позволяет признать особенности социальных систем, которые иначе могли бы быть не признаны: «В этом смысле бедствия — один из мощных и радикальных агентов социокультурных изменений. Хотя, когда чрезвычайная ситуация заканчивается, многие общества быстро восстанавливаются (восстанавливают свое равновесие, свое единство, свои институты, свою систему социальных отношений), тем не менее, они уже никогда не будут такими, как до бедствия» (Sorokin, 2010/1942, p. 120–121). С этим взглядом на динамику катастроф Сорокин в главе «Взгляд в будущее» напоминает и уточняет, каковы, по его мнению, могут быть пути выхода из кризиса, вызванного катастрофами, а в случае войны или революций — действия, которые могут привести к умиротворению и, следовательно, к прочному миру. В основе его предложений лежит преодоление анархии ценностей, что может быть достигнуто только путем их интеграции и более глубокого усвоения населе-

нием: «Поскольку тенденции уже действуют, их нельзя предотвратить или отворать. Однако они могут быть ослаблены и смягчены как отдельным человеком, так и обществом. Для индивида наилучшим способом противостоять им является интеграция его ценностей и глубокое их усвоение — не столько ценностей чувственного мира, сколько чувства морального долга и трансцендентных ценностей Царства Божьего [...] Для общества кратчайшим, наиболее эффективным и единственным практическим способом реального смягчения и ослабления кризиса является реинтеграция его религиозных, моральных, научных, философских и других ценностей. Эта интеграция должна быть осуществлена таким образом, чтобы новая система ценностей была укоренена не только в самых благородных ценностях этого чувственного мира, но прежде всего в ценностях нравственного долга и Царства Божьего» (Sorokin, 2010/1942, p. 318). Поэтому именно из позитивных отношений, установленных в сообществе или группах людей (основных формах социальной организации), рождается планирование и восстановление идентичности и обновленной системы потребностей и ценностей.

Поиск возможных средств по преодолению кризиса (на момент написания книги кризис означал Вторую мировую войну, поэтому средства должны были служить делу достижения мира) Сорокин на этом не прекратил. Эта работа, по сути, продолжилась книгой «Реконструкция человечества» (1948), в которой он объяснил причину распада солидарных связей индивидуализмом, характерным для менталитета сенсатной культуры. Следует отметить, что, начиная со своей первой крупной социологической работы (Sorokin, 1920), Сорокин использовал для квалификации человеческого поведения — при совершении значимого выбора — термины «солидаристский» и «антагонистический» (или «принудительный»), а не «конфликтный» и «кооперативный». «Солидаристское» поведение представляет собой любое взаимодействие, при котором цели обеих сторон совпадают и ни одна из них не препятствует другой, а наоборот, помогает ей в реализации ее устремлений; другое поведение, «антагонистическое», или «принудительное» (противоположное первому), относится к взаимодействию, при котором одна из сторон препятствует или мешает

устремлениям другой. Как уже упоминалось, в этой книге он пытается показать, каким образом индивиды могли бы справиться с сильным состоянием неопределенности, вызванным только что закончившейся Второй мировой войной. Выход из кризиса возможен только при условии укрепления отношений и взаимодействия, дающего положительный эффект для всех членов общества: «Мирное, гармоничное и творческое общество может существовать только тогда, когда его члены обладают хотя бы минимумом любви, симпатии и сострадания, обеспечивающего взаимопомощь, сотрудничество и справедливое отношение. В этих условиях индивиды объединяются в единое коллективное "мы", в котором радости и горести одного человека разделяются всеми. В такой группе индивид — это не изолированный "атом", а жизненно важная часть творческого сообщества» (Sorokin, 1948, p. 57–58). В частности, он выделяет среди этих позитивных действий альтруистическую творческую любовь, хотя не дает этому понятию точного определения. Он утверждает, что каждый человек из своего непосредственного опыта знает, «что такое любовь или альтруизм» (Sorokin, 1948, p. 58), но затем проводит различие между подлинным альтруизмом; поведением неальтруистическим, которое не противостоит альтруизму, но и не имеет его характеристик; и поведением антиальтруистическим, или эгоистическим, которое концентрирует в себе все те действия, которые явно противостоят альтруизму (например, месть, вражду и т. д.). К этому Сорокин добавляет, кроме того, дальнейшее уточнение, чем отличается «*мудрый и творческий альтруизм от слепой альтруистической страсти*» (Sorokin, 1948, p. 60); первый (мудрый) состоит из действий без вредных последствий для других, и это независимо от субъективного или объективного параметров, тогда как второй (творческий) субъективно альтруистичен в своей цели, но не в своей объективной природе, которая является неальтруистической.

В заключительной части книги, обобщая способы разрешения кризиса сенситивного общества, российско-американский социолог утверждает, что, помимо сложных психических феноменов, главной причиной неудачи творческого альтруизма является игнорирование этих явлений наукой на протяжении последних четырех столетий. По его мнению, приоритетной задачей науки яв-

ляется исправление неверного представления о человеческих энергиях.

3. От эгоизма к универсальному альтруизму: пионер в исследовании проблем мирного жизнеустройства.

Последний важный поворот в интеллектуальном пути Сорокина можно разбить на следующие этапы: от анализа причин революции к анализу причин кризиса после Второй мировой войны, от диагностики кризиса к реконструкции человечества и, наконец, от реконструкции человечества к позитивным энергиям, полезным для гражданского и мирного сосуществования членов общества во всей Вселенной. Так он приходит к исследованию человеческих энергий и, в частности, альтруистической творческой любви.

Гарвардский исследовательский центр творческого альтруизма начал свою деятельность в феврале 1949 года, получив финансирование (которое продолжалось около восьми лет) от бизнесмена Илая Лилли и его фонда, чтобы Сорокин смог успешно продолжить уже начатые им исследования по теме альтруизма. Целью Центра было изучение темы альтруизма посредством анализа его различных типов, аспектов и измерений, а также его влияния на индивидуальную, социальную и биологическую жизнь (Mangone & Dolgov, 2020). Его деятельность можно достаточно подробно реконструировать на основе отчетов, опубликованных самим Сорокиным (1955а, 1963, 1995). Деятельность Гарвардского исследовательского центра творческого альтруизма позволила Сорокину привлечь внимание исследователей — пусть и с небольшим количеством прозелитов — к проблемам, которые были обойдены вниманием социальных наук (любовь и альтруизм), слишком занятых исследованием негативных, а не позитивных человеческих ценностей. По мнению Сорокина, перемены должны начаться с переоткрытия позитивных ценностей, а социология должна выступить в качестве лидера, в том числе взяв на себя задачу преодоления строго сенситивных моделей познания. Сорокин был настолько убежден в потенциале социальных наук по преобразованию человечества, что даже предложил создать новую прикладную науку для пропаганды дружбы, бескорыстной любви и взаимопомощи: «Наступил исторический момент для создания но-

вой прикладной науки или нового искусства амитологии — науки и искусства по культивированию дружбы, бескорыстной любви и взаимопомощи в межличностных и межгрупповых отношениях. Зрелая амитология сегодня является первостепенной потребностью человечества. Ее развитие ощутимо определяет творческое будущее *homo sapiens*» (Sorokin, 1951, p. 277). Основной задачей этой новой дисциплины является анализ основных аспектов, свойств и форм отношений, основанных на любви. Применение выработанных ею подходов подразумевает понимание механизмов, с помощью которых люди принимают решения на основе того знания о той или иной ситуации, которым они обладают. Здесь мы возвращаемся к проблеме, поставленной Сорокиным в книге «Это моя философия» (1958), о построении целостной системы знаний (Mangone, 2018c), которая объединяла бы три формы знания (эмпирико-чувственное, рациональное и интуитивное), формируя систему знаний, способную предоставить как можно больше элементов для понимания суперорганических явлений. Это также позволило бы нам предсказывать их динамику. На этих предположениях основывалась работа Центра по творческому альтруизму, если в «Реконструкции человечества» (1948) Сорокин описал альтруистическое поведение (*подлинный альтруизм, неальтруистическое и антиальтруистическое или эгоистическое*), то в «Пути и силе любви» (1954) — книге, представляющей собой плод всех лет работы Центра, — он выделяет типы альтруистов, возникающие на разных путях развития. В главе IV этой книги Сорокин описывает блага, проистекающие от силы творческой любви, заканчивая описанием разных аспектов, параметров, способов производства и управления любовью, а также ее силы (Mangone & Dolgov, 2020; Mangone, 2020), а затем в оставшейся части работы (примерно две трети) представляет типы альтруизма, пути роста альтруизма и методики трансформации обычных индивидов и групп в альтруистические.

Триадическая типология, предложенная Сорокиным, основана на самоидентификации и, соответственно, предполагает следующие типы: *ранне-благополучный* альтруист, который с раннего детства идентифицирует себя с системой ценностей и развивает поведение, ориентированное на любовь, поскольку он родился

или принадлежит к среде, благоприятствующей альтруистическому развитию; тип *позднего созревания* или *поздне-катастрофический*, отличающийся от первого тем, что изменение в его поведении связано с внезапным поворотным моментом в жизни (событием, которое делит его жизнь на доальтруистическую и альтруистическую), который может продолжаться более или менее длительное время и суть которого заключается в реинтеграции системы ценностей; и, наконец, *промежуточный* тип, находящийся посередине между двумя предыдущими и сочетающий в себе в большей или меньшей степени характеристики того и другого. Понятно, что не все формы самоидентификации способствуют трансформации поведения в сторону альтруизма, в том числе и потому, что в теоретических построениях Сорокина никогда не отрицается, что развитие личности находится в тесной связи с социокультурными организациями общества, и поэтому личность — это не просто результат конфликта между сознательными и бессознательными аспектами (как во фрейдистской теории), а результат сложного взаимодействия нескольких аспектов. Сорокин отвергает упрощенное деление на сознательное и бессознательное, фактически он говорит (Sorokin, 1962/1947) о своего рода «четверной структуре» личности: биологическое бессознательное, биологическое сознание или биосознание, социокультурное сознание или социосознание и, наконец, сверхсознание, на которое он ссылается, когда размышляет о проблеме трансформации личности в сторону более альтруистического поведения.

Сорокин, применяя свой аналитический подход, выделяет и описывает 26 различных методик по альтруизации или социализации к альтруизму, которые он классифицирует в две основные системы: эго-трансцендирующую, которая основана на полной трансценденции (преодолении) эго и полном контроле за бессознательными влечениями; и эго-центрированную, которая, напротив, не требует отмены или полной трансценденции эго и бессознательных влечений, поскольку и то и другое считается позитивными ценностями и их сохранение является необходимым условием альтруизации. Сорокин также дает понять, что подобно другим инструментам большинство методик по трансформации человеческого поведения могут быть использованы в позитивных

и в негативных целях как для альтруистического, так и для эгоистического развития. Действительно, человеческое поведение не всегда позитивно ориентировано по отношению к другим, хотя его можно изменить путем революции в умах и сердцах (мирной революции, без какого-либо насилия). Эти идеи, кстати, проявились у Сорокина уже ранее, когда он дал понять, что возрождение и преобразование человечества в отношении творческого порядка и счастья возможно: «Поскольку существующий сегодня сенсатный порядок нежизнеспособен, у нас нет выбора — если только мы не смирились с исчезновением нашей цивилизации — в том, что мы должны идти по пути возрождения и преображения. Опираясь на силы исторического процесса и особенно на освобожденные энергии сверхсознания, человечество может пройти по этому пути, пока не достигнет пристанища в новом порядке творческого мира и счастья. Все, что для этого необходимо, — это высшая мобилизация имеющихся у нас умственных и нравственных сил, контроль подсознательных влечений посредством сознательных и сверхсознательных факторов и непоколебимая решимость мужественно встретить все трудности этого пути. Человечество само должно решить свою судьбу!» (Sorokin, 1948, p. 241). Эти идеи более подробно рассматриваются в последней главе «Путей и силы любви» («От племенного эгоизма к универсальному альтруизму»), где он описывает необходимость перехода от племенного альтруизма или племенного эгоизма (альтруизма, который обращен исключительно на членов своей группы, при равнодушном, если не агрессивном отношении к другим группам) к универсальному альтруизму (альтруизму, который выходит за пределы собственной группы и охватывает все человечество, не исключая никого).

По мнению Сорокина, преобразования должны начинаться с открытия заново позитивных ценностей человека, и наука здесь выступает в качестве проводника, в том числе и на пути преодоления сугубо сенсатных моделей познания. Что касается социологии, то это будет не просто социология кризиса, а критическая социология, которая не останавливается на анализе процессов разложения общества, а ищет его глубинные корни, осуждая негативные факторы, вызывающие кризис. Сорокин утверждает, что, несмотря на невеликий объем знаний об энергии любви и о том, как она

производится и используется, этих знаний достаточно, чтобы обосновать гипотезу о «благодати любви» (Sorokin, 1959) как одной из трех высших энергий, известных человеку (наряду с энергиями истины и красоты). Знания, достигнутые Сорокиным при изучении альтруизма и любви, таковы, что заслуживают внимания еще и потому, что он обращался не к социологическому гуманизму, а к гуманистической социологии, целью которой является изменение способов взаимодействия между людьми с переориентацией их на связи, определяемые как отношения любви и характерные для свободного, гармоничного, гуманистического и творческого общества. Сорокин был предшественником той «позитивной социологии» — по аналогии с «позитивной психологией» (Nichols, 2005, 2012) или «гуманистической социологией» (Berger, 1963; Lee, 1973, 1978; Goodwin, 2003), на которую столь многие надеялись при переходе к третьему тысячелетию.

4. Сорокин — пионер в исследовании проблем мирного жизнеустройства.

Кропотливую работу Сорокина в Гарвардском исследовательском центре творческого альтруизма можно подытожить следующим утверждением: «На современном этапе человеческой истории заметное увеличение бескорыстной, творческой любви (доброты) в сверхорганическом мире является первостепенной потребностью человечества» (Sorokin 1958, p. 184). Гипериндивидуализм привел к конфликтам между отдельными людьми и группами, негативные последствия которых отражаются на них самих, поэтому человечество само должно что-то предпринять ради своего спасения. «В двадцатом веке межчеловеческие распри привели к катастрофе двух мировых войн и многих войн меньшего масштаба, бесконечным кровавым революциям и восстаниям, не говоря уже о преступлениях и более мягких формах "борьбы за существование". В настоящее время, в связи с открытием тайн атома и изобретением апокалиптических средств уничтожения, моральная анархия начинает угрожать выживанию человечества, а значит, и продолжению его творческой миссии» (Sorokin, 1958, p. 185). Это объясняет, почему увеличение бескорыстной любви имеет решающее значение для человечества. В своих работах Сорокин показал, что альтруизм является эффективным ресурсом для преодо-

ления социальной дезинтеграции периода социокультурного кризиса и, таким образом, играет важную роль как регулятор развития, ориентированный на социальную справедливость. Сорокин одним из первых институционализировал исследования просоциальных феноменов, таких как альтруизм и любовь, и по этой причине считается одним из инициаторов исследований в области проблем мирного жизнеустройства. Значимой в этом отношении является глава X книги «Россия и США», в которой он указывает причины войны и мира, заявляя в отношении последнего: «В данной совокупности обществ или внутри конкретного общества вероятность мира напрямую зависит от степени интеграции систем базовых ценностей и их взаимной совместимости. Когда их интеграция и гармоничность снижаются, особенно когда это происходит внезапно и резко, вероятность международной или гражданской войны возрастает» (Sorokin, 1944a, p. 216). Необходимость реинтеграции ценностей и форм отношений как средства для предотвращения войн и, следовательно, для продолжения мирной жизни неоднократно подчеркивалась Сорокиным (1938, 1944b). К этому добавлялась его личная пацифистская позиция во время войны во Вьетнаме, выраженная, в частности, в письме, отправленном им 23 мая 1961 года президенту Джону Фицджеральду Кеннеди, и его неприятие холодной войны между Америкой и Россией, в развязывании которой и в нежелании проводить политику мира он обвинял все вовлеченные стороны, включая ООН (Sorokin, 1956), характеризуя их идею мирного сосуществования исключительно как принудительную: «Существующая внешняя политика как восточных, так и западных блоков представляет собой наиболее устаревшую, нетворческую и порождающую войны политику неолитического человека. Это извечная политика *si vis pacem para bellum*, "мира через силу", сдерживания и в конечном счете принудительного мира через войну» (Sorokin, 1955b, p. 3). По мнению Сорокина, при отсутствии морального согласия прочный мир невозможен, независимо от каких бы то ни было экономических и/или политических интервенций, и никакое соглашение не может обязать стороны соблюдать его, если они в этом не заинтересованы. Этим также объясняется его постоянное обращение к Нагорной проповеди, если не к ее самым возвышенным нормам, то

хотя бы к принципу «Поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой», что должно стать руководством не только для каждого человека по отдельности, но и для наций, народов и политических лидеров — если они хотят прочного мира. Новаторские теории Сорокина развивались по мере того, как его мышление эволюционировало от изучения революции и войны как основных причин общественной нестабильности к изучению кризиса и поиску факторов устойчивого развития и, наконец, к исследованию позитивных сил человечества, таких как альтруизм. Как, однако, эти исследования могут быть полезны сегодня? Они могут быть полезны в том, что переориентируют обществоведов на расширение проблематики в исследованиях мирного жизнеустройства. Неотъемлемой частью исследовательской деятельности является изменение мира, так что, возможно, такие исследования способны поменять наши идеи и ценности, направляя их в сторону прочного мира. И если это означает институционализацию в сфере исследований мирного жизнеустройства, то Сорокин был прав в том, что попытался сделать то же самое в сфере исследований альтруизма и любви.

References

1. Berger, P. L. (1963). *Invitation to Sociology: A Humanistic Perspective*. Garden City: Anchor Books.
2. Dungen, P. (1996). Initiatives for the Pursuit and Institutionalization of Peace Research in Europe During the Inter-War Period (1919–1939). In L.-A. Broadhead, *Issues in Peace Research 1995–96* (pp. 5–32). Bradford: University of Bradford.
3. Eckhardt, W. (1981). Sorokin's Studies of Revolution and War. *Peace Research*, 13 (4), pp. 182–190.
4. Eckhardt, W. (1983). Pioneers of peace research III: Pitirim A. Sorokin: Apostle of love. *International Interactions: Empirical and Theoretical Research in International Relations*, 10(2), pp. 147–177. doi: <http://dx.doi.org/10.1080/03050628308434612>
5. Goodwin, G. A. (2003). Toward a Paradigm for Humanistic Sociology. *Humanity & Society*, 27(3), pp. 340–354. doi: <https://doi.org/10.1177/016059760302700315>.
6. Lee, A. McC. (1973). *Toward Humanist Sociology*. Englewood Cliffs: Prentice Hall.

7. Lee, A. McC. (1978). *Sociology For Whom?* New York: Oxford University Press.
8. Mangone, E. (2018a). The Reconstruction of a New System of Needs after a Post-War Emergency. In S. Schlieve, N. Chaudhary & G. Marsico (eds), *Cultural Psychology of Intervention in the Globalized World* (pp. 135–154). Charlotte: Information Age Publishing Inc.
9. Mangone, E. (2018b). From calamities to disasters: Pitirim Aleksandrovič Sorokin's insights. *Human Arenas*, 1(1), pp. 79–85.
10. Mangone, E. (2018c). Pitirim A. Sorokin il teorico della sociologia integrale [Pitirim A. Sorokin the Theorist of Integral Sociology]. *Quaderni di Teoria Sociale*, 2, pp. 41–60.
11. Mangone, E. (2020). Pitirim A. Sorokin's Contribution to the Theory and Practice of Altruism. *Revue européenne des sciences sociales*, 58(1), pp. 149–175. doi: <https://doi.org/10.4000/ress.6497>.
12. Mangone, E. (2021). Dalla crisi del nostro tempo alla ricostruzione dell'umanità. Per una rilettura di Pitirim A. Sorokin [From the Crisis of Our Time to the Reconstruction of Humanity. For a Re-reading of Pitirim A. Sorokin]. *Problemi dell'informazione*, XLVI(1), pp. 83–105. doi: 10.1445/100130.
13. Mangone, E. & Dolgov, A. (2020). Sorokin's "Altruistic Creative Love": Genesis, Methodological Issues, and Applied Aspects. *Human Arenas*, 3(1), pp. 6–22. doi: <https://doi.org/10.1007/s42087-019-00058-w>.
14. Nichols, L. T. (2005). Integralism and positive psychology: a comparison of Sorokin and Seligman. *Catholic Social Science Review*, 10, pp. 21–40.
15. Nichols, L. T. (2012). North Central Sociological Association Presidential Address. Renewing sociology: Integral science, Solidarity, and Loving kindness. *Sociological Focus*, 45(4), pp. 261–273.
16. Richardson, L. F. (1950). *Statistics of Deadly Quarrels*. Chicago: Quadrangle Books.
17. Richardson, L. F. (1960). *Arms and Insecurity*. Pittsburgh: Boxwood Press.
18. Sorokin, P. A. (1918). Письмо в редакцию [Letter to the editor]. *Крестьянские и Рабочие Думы* [Peasants' and Workers' Thoughts], October 29, 1918. Accessed March 8, 2022. Available at: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Sorokin/29.php (In Russ.)
19. Sorokin, P. A. (1920). *Sistema soziologii* [Sociology System], 2 voll. St. Petersburg: Isdatelstvo Kolos. (In Russ.)
20. Sorokin, P. A. (1922). Речь на торжественном собрании в день 103-й годовщины петербургского университета, 21 февраля 1922 г. [Speech at the solemn meeting on the 103d anniversary of St. Petersburg University, 21st February 1922]. Accessed March 8, 2022. Available at: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Sorokin/37.php (In Russ.)
21. Sorokin, P. A. (1924). *Leaves from a Russian Diary*. New York: E. P. Dutton & Co.

22. Sorokin, P. A. (1925). *The Sociology of Revolution*. Philadelphia and London: J. B. Lippincott Company.

23. Sorokin, P. A. (1937a). *Social & Cultural Dynamics*. Vol. I: *Fluctuation of Forms of Art*. New York: American Book Company.

24. Sorokin, P. A. (1937b). *Social & Cultural Dynamics*. Vol. II: *Fluctuation of Systems of Truth, Ethics, Law*. New York: American Book Company.

25. Sorokin, P. A. (1937c). *Social & Cultural Dynamics*. Vol. III: *Fluctuation of Systems of Social Relationships, War and Revolution*. New York: American Book Company.

26. Sorokin, P. A. (1938). A Neglected Factor of War. *American Sociological Review*, 3(4), pp. 475–486.

27. Sorokin, P. A. (1941a). *Social & Cultural Dynamics*. Vol. IV: *Basic Problems, Principles and Methods*. New York: Bedminster Press.

28. Sorokin, P. A. (1941b). *The Crisis of Our Age. The Social and Cultural Outlook*. New York: E.P. Dutton & Co.

29. Sorokin, P. A. (1944a). *Russia and the United States*. New York: E.P. Dutton & Co.

30. Sorokin, P. A. (1944b). The Conditions and Prospects for a World Without War. *American Journal of Sociology*, 49(5), pp. 441–449.

31. Sorokin, P. A. (1948). *The Reconstruction of Humanity*. Boston: The Bacon Press.

32. Sorokin, P. A. (1951). Amitology as an Applied Science of Amity and Unselfish Love. In K. G. Specht (ed.), *Soziologische Forschung in Unserer Zeit* (pp. 277–279). Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften.

33. Sorokin, P. A. (1954). *The Ways and power of Love. Types, Factors and Techniques of Moral Transformation*. Boston: Beacon Press.

34. Sorokin, P. A. (1955a). Les travaux du Centre de recherches de Harvard sur l'altruisme créateur. *Cahier internationaux de sociologie*, 19, pp. 92–103. (In French).

35. Sorokin, P. A. (1955b, 17 July). Foreign Policy of Peace. *Japan News*, p. 3.

36. Sorokin, P. A. (1956). No Real Peace Policy. *Liberation*, 1(1), pp. 11–14.

37. Sorokin, P. A. (1957). *Social & Cultural Dynamics. A Study of Change in Major Systems of Art, Truth, Ethics, Law and Social Relationships*. Boston: Porter Sargent Publisher.

38. Sorokin, P. A. (1958). Integralism is My Philosophy. In W. Burnett (ed.), *This is my Philosophy. Twenty of the World's Outstanding Thinkers reveal the Deepest Meaning they have found in Life* (pp. 180–189). London: George Allen & Unwin Ltd.

39. Sorokin, P. A. (1959). The mysterious energy of love. *Science of Mind*, XXXII, 3–7.

40. Sorokin, P. A. (1962). *Society, Culture, and Personality: Their Structure and Dynamics. A System of General Sociology*. New York: Cooper Square Publishers. (Original edition of Harper & Brothers, 1947).

41. Sorokin, P. A. (1963). *A Long journey. The Autobiography of Pitirim A. Sorokin*. New Haven: College and University Press.
42. Sorokin, P. A. (1995). Studies of the Harvard Research Center in Creative Altruism. In B. V. Johnston (ed.), *Pitirim A. Sorokin. On the Practice of Sociology* (pp. 305–316). Chicago: Chicago University Press.
43. Sorokin, P. A. (2010). *Man and Society in Calamity*. New Brunswick: Transaction Publishers (Original edition of E.P. Dutton & Co., 1942).
44. Wright, Q. (1957). The Value for Conflict Resolution of a General Discipline of International Relations. *Journal of Conflict Resolution*, 1(1), pp. 3–8.
45. Zyuzev, N. F. (2019). *Питирим Сорокин: учение и жизнь* [Pitirim Sorokin: Theory and Life]. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Эмилиана Мангоне

Emiliana Mangone

Университет Салерно, Факультет политических и коммуникационных наук (DiSPC)

University of Salerno
Department of Political and
Communication Sciences (DiSPC)
Via Giovanni Paolo II, 132

Виа Джованни Паоло II, 132
84084 Фишиано (СА), Италия

84084 Fisciano (SA) — Italy

Статья поступила в редакцию / The article was submitted

14.05.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing

24.05.2022

Принята к публикации / Accepted for publication

01.06.2022